

¹⁶ Исаенко, В. Следственные действия и полномочия прокурора по надзору за ними / В. Исаенко // Законность. — 2003. — № 2. — С. 24.

¹⁷ См.: Лопаткина, Н. Указ. соч. — С. 51-52; Власенко, Н. Указ. соч. — С. 25 и др.

¹⁸ См.: Исаенко, В. Указ. соч. — С. 24; Герасимова, Л.И. Указ. соч. — С. 23 и др.

*И.Л. Бедняков**

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБЫСКА

В процедуре обыска начальным элементом является предъявление постановления (судебного решения) о его производстве лицу, у которого он проводится, либо совершеннолетним членам его семьи (ч. 4 ст. 182 УПК РФ). Лицо может ознакомиться с постановлением путем личного прочтения либо оглашения его следователем. При возникновении у обыскиваемого каких-либо вопросов следователь должен разъяснить их ему. Это положение вытекает из закрепленного в ст. 11 УПК РФ принципа охраны прав и свобод человека и гражданина. Как следует из ч. 1 этой статьи, следователь обязан разъяснить участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечить возможность осуществления этих прав. Полагаем, что это законоположение относится не только к лицам, имеющим на момент производства обыска процессуальный статус. Аналогичная обязанность возникает у следователя и в том случае, если обыск производится у лица, не имеющего на момент его производства определенного процессуального положения. Кроме того, ст. 19 УПК РФ закрепляет право обжалования действий (бездействия) следователя (суда, дознавателя и т.д.), если лицо считает, что ими были затронуты его права и законные интересы.

В УПК РФ отсутствует указание на то, каким образом в материалах уголовного дела должен быть отражен факт ознакомления лица с постановлением о производстве обыска и необходимо ли вручать его

* © Бедняков И.Л., 2009

Бедняков Иван Львович — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

копию обыскиваемому. Полагаем, что копия постановления о производстве обыска (судебного решения) должна вручаться следователем лицу, у которого он проводится.

Практика в этом отношении неоднозначна. Как показало предпринятое нами изучение уголовных дел, в большинстве случаев обыскиваемому вручается копия постановления, о чем делается письменная отметка, заверенная его подписью (86,6 %)¹. На наш взгляд, такое начало обыска наиболее оптимально позволит следователю избежать необоснованного вторжения в жилище.

Есть и другой аргумент в пользу предлагаемого решения, связанный с правом на обжалование процессуальных действий и решений, закрепленный в ст. 19 УПК РФ. Полагаем, что в целях обеспечения этого права в законе применительно к производству обыска необходимо предусмотреть гарантию его реализации, т.е. закрепить обязанность следователя вручать обыскиваемому копию процессуального решения об обыске. В этой связи считаем целесообразным дополнить ч. 3 ст. 182 УПК РФ после слов «...разрешающее его производство» предложением следующего содержания: «После этого следователь обязан вручить лицу, у которого производится обыск, копию постановления о его производстве или копию судебного решения». Отметка о вручении копии должна быть сделана на первом экземпляре постановления с указанием фамилии, имени и отчества лица, которому вручена копия, даты и времени ее вручения.

Также представляется, что лицо, в чьем помещении производился обыск и которое не участвовало в нем в силу различных обстоятельств, вправе требовать от должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, предоставления ему копии протокола обыска. При этом лицо может воспользоваться имеющимся у него правом на обжалование действий (бездействий) и решений сотрудников, производивших обыск.

После вручения копии постановления обыскиваемому следователь должен разъяснить всем участвующим в производстве обыска лицам их права и обязанности, а также порядок его проведения (ч. 1 ст. 11, ч. 5 ст. 164 УПК РФ). В случае, если лицо на момент производства обыска имеет процессуальный статус, следователь должен руководствоваться соответствующими статьями УПК РФ, которые этот статус определяют. Заметим, однако, что статус подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (ст. 47 УПК РФ) и других участников (ст. 42, 56 УПК РФ) не охватывает специфических прав, которыми должен располагать обыскиваемый для того, чтобы защищать свои законные

интересы. Возникает вопрос, какие именно права и обязанности должны быть разъяснены обыскиваемому? Проблема обостряется в случае обыска у лица, процессуальное положение которого не определено. При решении этой проблемы следует исходить из того, что производство обыска может серьезно затрагивать важные права личности (на неприкосновенность жилища, тайну переписки, уважение чести и достоинства личности и др.). Кроме того, в большинстве случаев обыск направлен на изобличение лица в совершении преступления, получение обвинительных доказательств. Поэтому лицу, у которого производится обыск, вне зависимости от наличия или отсутствия у него процессуального статуса, должен быть разъяснен максимально широкий комплекс прав, позволяющий ему эффективно отстаивать свои законные интересы. Такой комплекс законом не предусмотрен.

Г.Н. Ветрова справедливо отмечает, что для улучшения уголовно-процессуального регулирования, повышения ответственности всех участвующих в уголовном судопроизводстве лиц важное значение имеет четкое определение в законе круга процессуальных обязанностей каждого субъекта уголовного процесса и детально разработанная система мер контроля, главным образом процессуальных санкций, за выполнением этих обязанностей².

В связи с этим возникает вопрос: обязан ли обыскиваемый выдать искомое имущество и возможно ли применение к нему каких-либо санкций за отказ от выполнения требования следователя? В ходе исследования нами было показано, что обыск носит принудительный характер и направлен на получение обвинительных доказательств. Целью обыска в основном является обнаружение предметов, изобличающих лицо в совершении преступления. Обыск обеспечивается возможностью применения процессуального принуждения. Полагаем, однако, что такое принуждение не является санкцией за какое-либо нарушение и выступает средством обеспечения поисковых мероприятий и достижения целей обыска.

При решении поставленного вопроса, на наш взгляд, следует исходить из положения презумпции невиновности о том, что подозреваемый (обвиняемый) не обязан доказывать свою невиновность. Более того, недопустимо возлагать на указанных участников процесса обязанность представлять уличающие их сведения. Это противоречит Конституции РФ (ст. 51), где сказано, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого...» Представляется, что понятие «свидетельствовать» подлежит расширительному толкованию. Оно должно включать в себя возможность не только отказаться давать показа-

ния, но и иным образом не способствовать собиранию обвинительных доказательств, в том числе не выдавать предметы, изобличающие лицо в совершении преступления.

Еще одним аргументом, подтверждающим изложенную нами позицию, является публичный характер отечественного уголовного процесса. Так, законодатель возложил на следователя обязанность в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные УПК РФ меры ...по изобличению лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

В связи со сказанным представляется обоснованным мнение Г.Н. Ветровой о том, что на обыскиваемого не может быть возложена правовая обязанность выдать предметы, уличающие его в совершении преступления³. На наш взгляд, выдача искомых предметов по предложению следователя является правом обыскиваемого, которое реализуется им по своему усмотрению.

Полагаем, что перечень прав обыскиваемого лица должен быть закреплен в ст. 182 УПК РФ, что будет служить одной из гарантий их реализации. Перечень обязанностей, также носящих специфический характер, будет способствовать обеспечению порядка производства обыска и достижению следователем целей этого следственного действия.

Мы считаем, что такими правами являются: знакомиться с постановлением о производстве обыска или соответствующим судебным решением и получить их копии; пригласить адвоката (защитника); выдать по требованию следователя подлежащие изъятию предметы и документы; делать замечания и заявления, подлежащие занесению в протокол; заявлять ходатайства и отводы; требовать принятия мер к недопущению оглашения выявленных в ходе обыска обстоятельств частной жизни лица, его личной и (или) семейной тайны; знакомиться с протоколом обыска и подавать на него замечания; получить копию протокола обыска; приносить жалобы на действия следователя и дознавателя в ходе обыска. Дополнительно к этому следователь должен разъяснить лицу права, предусмотренные его процессуальным статусом.

Вместе с тем лицу, у которого производится обыск, следует разъяснить его обязанности, которыми, по нашему мнению, являются: подчиниться законным требованиям следователя о беспрепятственном вхождении в помещение на основании соответствующего постановления; не препятствовать производству поисковых мероприятий; открывать по требованию следователя запертые помещения; при нали-

чий запрета не общаться во время обыска с другими лицами; подвергаться личному обыску; иным образом не препятствовать производству обыска (например, путем уничтожения предметов).

Как верно отмечает З.Ф. Коврига, эффективность процессуальной нормы зависит не только от ее собственного содержания, но и от того, каков уровень ее защищенности от нарушений процессуальными средствами, т.е. мерами ответственности⁴.

Лицу следует разъяснить, что в случае нарушения им своих обязанностей этот факт будет отражен в протоколе и в целях обеспечения нормального хода обыска следователем могут быть применены предусмотренные законом принудительные меры (например, вскрыты запорные устройства, применено физическое принуждение для преодоления противодействия).

Осуществление следователем поисковых мероприятий обеспечивается в законе рядом мер, направленных на создание условий для обнаружения и изъятия искомых предметов, а также на соблюдение должностными лицами прав лиц, подвергаемых обыску.

В соответствии с ч. 6 ст. 182 УПК РФ при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно открыть их. При этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества.

Из буквального толкования рассматриваемого законоположения можно сделать вывод о том, что вскрываться могут только помещения. Вместе с тем интересующие следователя предметы (документы) могут находиться и в запертых хранилищах (например, в сейфах, шкафах, тумбах и т.д.). Полагаем, что в этой ситуации закон подлежит расширительному толкованию и следователь вправе вскрывать не только помещения, но и хранилища. Заметим, что редакция этого положения в ст. 170 УПК РСФСР была более точна. В ней говорилось о том, что «...следователь вправе вскрывать запертые помещения и хранилища...». Однако и это положение закона представляется не вполне точным. Зачастую при обыске у следователя может возникнуть необходимость вскрытия предметов, которые нельзя отнести ни к «помещению», ни к «хранилищу». Практика расследования свидетельствует, что способы сокрытия лицами предметов весьма разнообразны и зависят от многих факторов (род деятельности, профессия, привычки и т.д.). Поэтому следователь может столкнуться с необходимостью нарушения целостности мебели, пола, фундамента, предметов быта и т.д., где по его предположению хранятся искомые предметы. Полагаем, что и в этом случае действующее положение закона

подлежит расширительному толкованию. Целесообразно было бы первое предложение ч. 6 ст. 182 УПК РФ после слова «помещения» дополнить фразой «и другие объекты», исключив тем самым необходимость расширительного толкования этого законоположения и охватив термином «объекты» различные формы сокрытия искомых предметов и документов, которые могут быть обнаружены в ходе обыска.

Исходя из текста ч. 6 ст. 182 УПК РФ, для признания действий следователя по вскрытию хранилищ законными необходимо, чтобы в протоколе обыска было отражено предложение лицу добровольно их открыть. Также в протоколе должен быть зафиксирован ответ лица на это предложение (отказ или безразличное отношение к этому). Полагаем, что вскрытие объекта без выяснения отношения к этому со стороны присутствующего при обыске недопустимо. По справедливому мнению С.Г. Любичева, следователь должен занести в протокол обыска как отказ обвиняемого добровольно открыть хранилище, так и способ и средства, примененные для этого, в целях обжалования им действий следователя, если он сочтет, что причиненные повреждения не вызывались необходимостью⁵.

При реализации этого законоположения возникает вопрос: допустимо ли применение каких-либо санкций к обыскиваемому в случае отказа открыть хранилища? Подобной санкцией могло бы стать предусмотренное ст. 117 УПК РФ наложение денежного взыскания на лицо, у которого производится обыск. По мнению 42,5 % опрошенных следователей, наложение денежного взыскания допустимо, т.к. своими действиями лицо создает неоправданные затруднения для органов предварительного расследования. Вместе с тем 57,5 % следователей считают, что такая ситуация недопустима, поскольку УПК РФ не содержит соответствующей обязанности для обыскиваемого.

Анализ норм УПК РФ о правах и обязанностях участников уголовного судопроизводства позволяет прийти к выводу, что такая обязанность у них отсутствует. Наложение же денежного взыскания возможно «в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом...» (ст. 117 УПК РФ). Буквальное толкование закона свидетельствует о недопустимости применения данной меры процессуального принуждения в отношении лица, отказавшегося открыть интересующее следователя помещение (хранилище).

Однако попытаемся взглянуть на эту проблему с другой стороны, учитывающей право подозреваемого (обвиняемого) на защиту. В соответствии с ч. 2 ст. 16, п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ

следователь обязан обеспечить подозреваемому (обвиняемому) возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами. Из смысла ч. 6 ст. 182 УПК РФ следует, что запечатое помещение может быть вскрыто принудительно только после *требования следователя* о его добровольном открытии. Закон (ч. 4 ст. 21 УПК РФ) устанавливает, что требования следователя, предъявленные им в пределах своих полномочий, обязательны для исполнения всеми гражданами. Полагаем, что одним из них является требование открыть запечатое помещение (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). В этой ситуации, на наш взгляд, отказ обыскиваемого подчиниться можно расценивать как способ защиты, противоречащий закону. Однако отсутствие в УПК РФ четко сформулированной обязанности обыскиваемого подчиниться требованию следователя не позволяет в настоящее время применить в отношении виновного какой-либо санкции.

Но при условии дополнения ст. 182 УПК РФ указанием на перечень обязанностей обыскиваемого, о чем говорилось ранее, отказ лица открыть запечатые помещения, констатирующий факт правонарушения, будет являться основанием для составления протокола о нарушении (ст. 118 УПК РФ) и последующего направления его в суд для наложения денежного взыскания.

Полагаем, что эта мера станет штрафной санкцией, т.е. следствием реализации уголовно-процессуальной ответственности обыскиваемого за допущенное нарушение норм закона.

Как пишет З.Ф. Коврига, уголовно-процессуальная санкция — это основанное на процессуальном законе поощрение за определенную заслугу или порицание совершившего процессуальное правонарушение, в котором проявляется положительная или отрицательная оценка поведения субъекта в сфере уголовного судопроизводства со стороны государства. Неисполнение норм уголовно-процессуального права есть нарушение правоотношения общего характера и основание возникновения индивидуализированных конкретных отношений ответственности в негативной форме и применения санкции⁶.

Фактическим основанием процессуальной ответственности является уголовно-процессуальное нарушение, которое, как отмечено в литературе, должно соответствовать следующим признакам: 1) нарушение требований уголовно-процессуального закона; 2) совершение его конкретным лицом и 3) сознательное нарушение лицом соответствующих обязанностей⁷.

Исходя из этого, для решения вопроса о наложении на обыскиваемого денежного взыскания в случае отказа добровольно открыть за-

пертые помещения, во-первых, необходимо, как нами было обосновано ранее, закрепить в УПК РФ соответствующую обязанность, а во-вторых, перед принудительным вскрытием объекта следователь обязан предложить обыскиваемому открыть его добровольно и разъяснить последствия невыполнения своих требований. Этот факт должен обязательно найти отражение в протоколе обыска с указанием конкретного лица, которому было адресовано требование. Также в протоколе следует отразить ответ обыскиваемого, удостоверенный его подписью. Это будет свидетельствовать о ясно выраженном и сознательном отношении обыскиваемого к требованию следователя.

Полагаем, что обыскиваемому необходимо предложить указать в протоколе причины, по которым он не может самостоятельно открыть помещение. Если они носят объективный характер и не связаны с воспрепятствованием деятельности следователя (например, отсутствие ключа, неисправность замка и т.д.), то наложение денежного взыскания не требуется, достаточно ограничиться принудительным вскрытием помещения.

В связи со сказанным, еще более важное значение приобретает необходимость разъяснения обыскиваемому его прав и обязанностей. В ином случае наложение на него денежного взыскания за отказ добровольно открыть запертые помещения недопустимо.

В процессуальной литературе высказаны предложения о законодательном разрешении производства личного обыска до возбуждения уголовного дела⁸. Попытаемся определить, обоснованы ли такие предложения с точки зрения соответствия их закону и существует ли в этом практическая необходимость?

Личный обыск как самостоятельное следственное действие, являющееся одним из способов собирания доказательств, в ходе расследования практически не применяется. Практика расследования наглядно свидетельствует об этом. При изучении нами уголовных дел не установлено ни одного случая производства личного обыска после возбуждения уголовного дела (кроме единичных случаев личного обыска при задержании перед помещением в изолятор временного содержания).

Представляется, что причина этого кроется в том, что обнаружение и изъятие у лица определенных предметов связаны с его непосредственным захватом при обстоятельствах, служащих основаниями задержания (ст. 91 УПК РФ). В большинстве случаев вопрос о возбуждении уголовного дела решается спустя определенное время после захвата лица.

Однако нередко личный обыск подменяется сотрудниками правоохранительных органов другими аналогичными действиями, предусмотренными КоАП РФ, Законом РФ «О милиции», ФЗ «Об ОРД». При этом по усмотрению лиц, их проводивших, именуются эти действия различно: выдача, добровольная выдача, добровольная сдача, осмотр, осмотр и изъятие, изъятие, досмотр, личный досмотр, осмотр места происшествия.

По существу, личный обыск является неотложным следственным действием, и необходимость в его производстве, как правило, возникает неожиданно, вытекает из динамики сложившейся ситуации. Как показывает анализ уголовных дел, личный обыск является эффективным средством обнаружения и изъятия предметов, сам факт нахождения которых у лица может свидетельствовать о наличии в его действиях признаков преступления. По многим уголовным делам о кражах, грабежах, разбоях, незаконных действиях с оружием и наркотиками изъятие определенных предметов, имеющих значение для уголовного дела, осуществлялось именно посредством личного обыска, однако результаты этого действия оформлялись иным образом, как об этом говорилось ранее.

О неотложности личного обыска свидетельствует тот факт, что во всех изученных нами уголовных делах изъятие у лица предметов происходило до возбуждения уголовного дела, в основном сразу после захвата или спустя непродолжительное время (от 10 минут до 1 часа). И.Л. Петрухин полагает, что производство личного обыска до возбуждения уголовного дела недопустимо. Однако, по его мнению, закон нуждается в совершенствовании, т.к. существует необходимость немедленного изъятия у задержанного оружия, документов, вещественных доказательств⁹.

Неотложность этого следственного действия подтверждается и тем, что среди изученных нами 368 материалов рассмотрения судом ходатайств о даче разрешения на производство обыска, не было ни одного ходатайства о производстве личного обыска. Это обусловлено тем, что данное следственное действие по общему правилу не терпит отлагательства, ибо лицо, у которого находятся интересующие следователя улики, готово в любой момент избавиться от них.

При захвате лица возникает необходимость в его неотложном обыске¹⁰ не только с целью обнаружения предметов, которые могут иметь значение для расследования, но и для обеспечения безопасности самого должностного лица, производящего задержание, а также окружающих лиц, ибо не исключено, что у задержанного имеется оружие, которым он может воспользоваться¹¹.

Личный обыск, в отличие от досмотра и иных смежных действий, не являющихся процессуальными, предоставляет лицам, в отношении которых он проводится, большие процессуальные гарантии. Перед производством личного обыска лицу следует разъяснять его права, в том числе право на защиту, не свидетельствовать против самого себя и т.д.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о необходимости разрешения производства личного обыска в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела, что продиктовано рассмотренными выше объективными обстоятельствами. Эта мысль возвращает нас к размышлениям о том, что есть задержание и может ли оно осуществляться до возбуждения уголовного дела. Не вдаваясь в эту проблему, заметим, однако, что оправдана позиция авторов, которые считают возможным осуществление этой меры до возбуждения уголовного дела¹².

Дополнительным аргументом к сказанному является расширение законодателем перечня следственных действий, производство которых допускается до возбуждения уголовного дела. Наряду с осмотром места происшествия следователь, согласно последним изменениям УПК РФ, может произвести осмотр трупа и освидетельствование¹³. В аспекте нашего исследования особый интерес представляет разрешение производства освидетельствования, которое согласно закону (ст. 179 УПК РФ) допускает применение принуждения. Расширение перечня следственных действий, которые могут быть произведены до возбуждения уголовного дела, свидетельствует о понимании законодателем потребностей практики.

Как показывает опрос следователей, 53,5 % (107 из 200 опрошенных) считают необходимым разрешить производство личного обыска до возбуждения уголовного дела, поскольку личный досмотр не обеспечивает достаточные гарантии соблюдения прав граждан. Вместе с тем почти половина (46,5 %, 93 из 200) полагают, что личный обыск возможен только после возбуждения уголовного дела, как и любое следственное действие.

Эти результаты заставляют о многом задуматься. Они, по-видимому, свидетельствуют не о том, что почти половина опрошенных (46,5 %) выступают поборниками законности, а о том, что их удовлетворяет сложившаяся практика упрощенчества в формировании доказательственной базы, что выражается в подмене личного обыска иными, не предусмотренными УПК РФ действиями. Следствием этого является игнорирование многих прав лиц, вовлекаемых в уголов-

ный процесс (например, права на защиту). Полагаем, что действующее законодательство не соответствует потребностям практики. Формально производство личного обыска до возбуждения уголовного дела незаконно, однако игнорирование этого способа собирания доказательств приходит в противоречие с фактически сложившейся, но небезукоризненной с точки зрения закона ситуации.

Примечания

¹ Вместе с тем в трех случаях (1,8 %) была сделана соответствующая запись в постановлении о производстве обыска, которая не удостоверена лицом, у которого он производился. Еще в четырех уголовных делах (2,4 %) отметка о вручении копии постановления была сделана в протоколе обыска. В 15 уголовных делах (9,2 %) сведения об ознакомлении с постановлением и вручении его копии отсутствовали.

² Ветрова, Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г.Н. Ветрова. — М.: Наука, 1987. — С.6.

³ Там же. — С.34.

⁴ Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. — С.145.

⁵ Любичев, С.Г. Этические основы следственной тактики / С.Г. Любичев. — М.: Юрид. лит., 1980. — С.64.

⁶ Коврига, З.Ф. Указ. соч. — С.39, 59.

⁷ Там же. — С.71-75.

⁸ См., напр.: Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность / З.З. Зинатуллин. — Казань, 1981; Гаврилов, А.К. Раскрытие преступлений / А.К. Гаврилов. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976; Валиев, Р.Ш. Личный обыск в системе способов и средств обеспечения процесса доказывания по уголовным делам: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р.Ш. Валиев. — Саратов, 2003.

⁹ Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: общая концепция. Неприкосновенность личности / И.Л. Петрухин. — М.: Наука, 1985. — С.113-114.

¹⁰ На это обстоятельство справедливо указывает И.Л. Петрухин. См.: Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. — М.: Наука, 1989. — С.59.

¹¹ Видимо, по этой причине производство обыска лица при аресте и задержании без получения судебного решения признается законным в США. См.: Пешков, М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США / М.А. Пешков. — М.: Спарк, 1998. — С.68, 80.

¹² См., напр.: Шейфер, С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / С.А. Шейфер. — М.: ВЮЗИ, 1972; Он же. Следственные действия. Система и процессуальная форма. —

М.: Юрлитинформ, 2001; Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц. — М.: Юрид. лит., 1964. С. 33; Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. — С. 39.

¹³ Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. №226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант», 2008.

*Е.А. Левина**

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Провозглашение Конституцией РФ приоритета прав и свобод личности, проводимая на протяжении более десяти лет в России судебная реформа обозначили необходимость создания механизмов правовой защиты, направленных на соблюдение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в правовые отношения, а также обеспечивающих эффективную защиту и восстановление нарушенных прав личности. Такому пониманию защиты личности способствовало присоединение Российской Федерации к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г., произошедшее в 1998 году. Конвенция гарантирует каждому, чьи права или законные интересы нарушены, эффективную защиту, в первую очередь судебную. Закрепленное в ст. 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство является механизмом, способным обеспечить эффективную судебную защиту личности. С другой стороны, элементы справедливого судебного разбирательства можно назвать критериями, на основании которых производится оценка судебной процедуры как справедливой. Также право на справедливое судебное разбирательство относится к числу неотъемлемых прав человека. Поясним данные утверждения.

Право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в Конвенции, раскрывается в ст. 6 следующим образом:

* © Левина Е.А., 2009

Левина Екатерина Андреевна — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета